

УДК 340

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-82-85

Артеменко И.А.*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)*

МЕСТО И РОЛЬ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика применения судебного прецедента в период действия судебных уставов 1864 года. Выявляются черты юридической техники дореволюционного периода России, где правило прецедента проявилась не только в качестве источника (формы) права, но и являлось неотъемлемой частью уголовного процесса. Исследование выявило место и роль судебного прецедента в системе источников права дореволюционной России. Выводы автора иллюстрируются примерами судебной практики. Показано, что закон, распространивший действие судебного прецедента, также обязывал правоприменителя следовать позиции высшего суда, в целях обеспечения единообразия судебной практики.

Ключевые слова: судебный прецедент, судебная практика, преступление, правоприменение, уголовное право, источник права.

I. Artemenko*Katanov State University of Khakassia (Abakan)*

THE PLACE AND ROLE OF JUDICIAL PRECEDENT IN THE SYSTEM OF CRIMINAL LAW SOURCES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Abstract. The article considers the specificity of judicial precedent application in the period of judicial statutes of 1864. The characteristics of legal methodology in Russia before revolution are detected. In that period a rule of a precedent was not only a source of law but also an integral part of a criminal procedure. The study found out the place and role of a judicial precedent in the system of criminal law sources in Russia before the Revolution. The author's conclusions are illustrated by examples of judiciary practice. It was shown that the law which regulated functioning of a judicial precedent also obliged an executor to follow the Supreme Court position in order to provide the uniformity of judiciary practice.

Key words: judicial precedent, judiciary practice, crime, law enforcement, criminal law, the source of law.

На новом витке истории развития современной России, характеризующейся сближением правовых систем мира [1, с. 50], возрастает научный интерес к судебному прецеденту. Несмотря на отсутствие всеобщего официального признания судебного нормотворчества в качестве источника Российского права, фактически результат деятельности высших российских и международных су-

дов становится реально существующим регулятором общественных отношений, поэтому возникает насущная необходимость пересмотра устоявшихся убеждений.

Исследование судебного прецедента и судебной практики российских судов в период действия судебных уставов Александра II – **времени официального признания судебного прецедента** в качестве источника права в нашей стране – является крайне важным на современном этапе.

Следует заметить, что основой для появления судебного права в России становятся отдельные нормы пореформенного уголовного законодательства. В частности, статьёй 12 Устава уголовного судопроизводства (1864) судам разрешалось «въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ» [3] основывать свои решения на общем смысле законов. Следующая за ней статья (13) устанавливала более радикальное положение: «Воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подѣ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ. За нарушение сего правила, виновные подвергаются отвѣтственности какъ за противузаконное безѣствие власти (Улож. о наказ. Ст. 383–385)» [3, с. 8]. Данная норма показывает, что Устав не только наделял суд правом нормотворческой инициативы, но и обязывал правоприменителя при отсутствии законодательного регулирования разрешить уголовное правоотношение.

Указанные нормы Устава необходимо рассматривать в совокупности с положением ст. 933 этого же кодекса следующего содержания: «Рѣшенія сената печатаются во всеобщее свѣдѣніе, для руководства к единообразному

исполненію и примѣненію законовъ» [3, с. 331]. Данная статья, по сути, отражает традиционную сущность доктрины прецедента о единообразном разрешении схожих дел.

Таким образом, новое уголовное законодательство впервые в истории России распространяет деятельность судебных органов с помощью правила прецедента на сферу правотворчества.

Возвращаясь к вопросу о качестве юридических предписаний, отметим, что положения Судебных уставов оперировали понятиями, формальная сущность которых в законе не раскрывалась. К примеру, нормативное закрепление понятия кражи (в её формальном понимании) появляется спустя несколько лет после реформы, несмотря на то что ответственность за её совершение прямо предусматривалась в ст. 169 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864) [4, с. 68]. Обратимся к формулировке кражи, данной в ст. 1644 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1885): «Кражею признается всякое, какимъ бы то ни было образомъ, но въ тайнѣ, безъ насилія, угрозъ и вообще безъ принадлежащихъ къ свойству разбоя или грабежа обстоятельствъ, похищеніе чужихъ вещей, денегъ, или иного движимаго имущества» [5, с. 610]. Мы снова здесь можем заметить, что законодательное определение кражи выявило лишь форму хищения, раскрывая отличительный признак данного преступления, – тайный характер. Кассационный департамент Сената [2] уточняет понимание кражи в ряде следующих правоположений: «...похищение вещи втайне, и через то нарушение его имущественного права, и<...> с целью извлечь для себя из по-

хищенного пользу» [3, с. 534]; «...кража непременно предполагает похищение имущества заведомо чужого» [3, с. 534].

Таким образом, прорисовываются оценочные признаки хищения (хотя данное понятие прямо не используется в законе и правоприменительных актах, но подразумевается) в виде тайного, противоправного («нарушение его имущественного права») изъятия чужого имущества.

Итак, содержание понятия «хищение» было раскрыто в решениях высшего суда, и это далеко не единичный пример. Указанная редакция Уложения признаёт мошенничеством (ст. 1665) «...всякое, посредствомъ какого-либо обмана учиненное, похищение чужихъ вещей, денегъ или иного движимаго имущества» [5, с. 647]. Отметим, что в качестве способа совершения указанного преступления законодатель определил обман, чем и отличил данный правовой запрет от иных имущественных противоправных деяний. Как уже было указано, кражей Уложение называет «всякое, какимъ бы то ни было образомъ» хищение. В такой интерпретации закона разграничить различные виды хищения – кражу и мошенничество – становилось достаточно проблематично, например, в случае, когда при совершении кражи виновные прибегали к обману с целью проникновения в помещение.

Таким образом, оценочные признаки мошенничества раскрывались в решениях высших судов. В комментарии к ст. 1665 Уложения говорится об обмане как о существенном условии мошенничества, при этом приводится ряд правоположений высших судов: «Отъ понятія мошенничества по за-

кону требуется, чтобы подсудимымъ былъ совершенъ обманъ и этимъ причиненъ убытокъ другому...»; «Понятіе мошенничества немислимо безъ употребленія обмана, какъ средства извлеченія для себя выгоды...» [5, с. 647]; «... необходимо, чтобы обманъ былъ средствомъ похищенія...» [5, с. 648]. Таким образом, выявляется роль обмана в составе мошенничества; он выступает основной причиной (средством извлечения выгоды) передачи имущества субъекту, обращающему его в свою пользу, в отличие от вышеприведённого примера кражи, где обман облегчает преступнику в дальнейшем тайное изъятие имущества собственника.

Особо подчеркнём, что в указанном случае значение решения высшей судебной инстанции департамента не ограничивалось только разъяснением смысла уголовно-правовой нормы. Посредством своих решений высший суд конкретизировал правовое предписание.

Таким образом, можно сделать вывод, что судебный акт не только раскрывал содержание правовой нормы, но и дополнял её, тем самым восполняя пробел законодательного регулирования. В условиях постоянного применения нового, не апробированного законодательства высший суд с помощью правила прецедента раскрывал вопросы реализации закона, становясь важным и неотъемлемым элементом правового контроля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Наумов А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 50.

2. Систематический свод решений кассационных департаментов Сената 1866–1871 г.: // Решения Уголовного кассационного департамента, разъясняющие Уложение и Устав о наказаниях и Учреждение Судебных Установлений. С подлинным текстом решений, извлеченными из них тезисами и критическим разбором их. Т. 4/ Сост.: Н.С. Таганцев. СПб.: Изд. Думашевского А., 1872. 482 с.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. Государственной Канцелярии, 1866. 555 с.
4. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 4. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. Государственной Канцелярии, 1866. С. 68.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 6-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Изд. Таганцева Н.С., 1889. 775 с.